

**Институт
нового индустриального
развития**

С.Д. БОДРУНОВ

**РОССИЙСКАЯ ТРАГЕДИЯ –
ДЕИНДУСТРИАЛИЗАЦИЯ
ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ЭКОНОМИКИ**

Научный доклад

Серия
«Модернизация промышленности»

2013 год

Бодрунов С.Д. Российская трагедия – деиндустриализация отечественной экономики / Научный доклад / Серия «Модернизация промышленности» / Институт нового индустриального развития (ИНИР), СПб., 2013. – 34 с.

ISBN

© Бодрунов С.Д., 2013

**© Институт нового
индустриального
развития (ИНИР),
2013**

Еще в первой половине 1990-х гг., когда только началась реформа централизованной системы управления, появились работы по дилемме реструктуризации экономики с указанием подходов к планированию, необходимостью поддерживать и инициировать не только отдельные направления производства, но и проекты, в том числе – в рамках реструктуризации и конверсии оборонно-промышленного комплекса. С начала 2000-х гг. появились рассуждения о необходимости структурного маневра, а во 2-ой половине 2000-х гг. стала интенсивно дискутироваться необходимость модернизации экономики. Несмотря на различие подходов, их сущность сводится к тому, что они все посвящены изменению экономической структуры при таком состоянии хозяйства, когда многие производства утрачены и не могут быть сегодня возобновлены (см., напр., [1]).

Если под индустриализацией понимать процесс перевода экономики на промышленные рельсы, развития промышленного производства, сопровождаемый совершенствованием средств производства, расширением основных фондов, механизации и автоматизации технических систем, то под деиндустриализацией следует осознавать обратный процесс. При деиндустриализации обычный труд начинает равномерно преобладать над всеохватывающим, сложные операции заменяются более простыми, доля знаний в добавленной цене сокращается, производственный аппарат стареет и не возобновляется, обычное воспроизводство равномерно теснит непростой тип воспроизводства. Результатом этого становятся общий упадок и утрата целых направлений производственной деятельности, секторов производства и индустрии, нередко – без способности их восстановления.

I. Деиндустриализация – исторические уроки

Феномен деиндустриализации не нов и достаточно известен. В разных странах деиндустриализация происходила по-разному, с учетом их исторических и национальных особенностей.

Приведем некоторые примеры.

В середине XVII века Голландия была ведущей промышленной державой. Однако затем она пережила «образцовую»

деиндустриализацию, затронувшую весь реальный сектор: производство сукна в крупнейшем центре шерстяной промышленности Лейдене упало вчетверо, количество строящихся судов – в 10-15 раз, товарное рыболовство сократилось в 7-10 раз. Торговый баланс страны стал отрицательным. При этом коллапс местной промышленности сопровождался бегством промышленного капитала – в основном в Англию, «по совместительству» являвшуюся наиболее опасным противником голландцев. Из страны бежал не только промышленный капитал – к концу XVIII века нерезидентам (в основном – тем же голландцам) принадлежало 20% акций крупнейших английских компаний (Банка Англии, Ост-Индской компании, Компании Южных морей), зачастую являвшихся прямыми конкурентами голландских, и 14% английского государственного долга, в значительной мере образовавшегося из-за войн с голландцами же. Итогом голландской деиндустриализации стала экономическая стагнация страны, продлившаяся всё XVIII столетие, перманентная политическая нестабильность и, в качестве известного итога, – население, приветствующее французскую армию, явившуюся освободить его от собственного правительства.

Не обошлась без нескольких периодов деиндустриализации и экономика России/СССР.

Перед первой мировой войной, как известно, наращивание экономического потенциала России шло высокими темпами. Его основу составляла растущая промышленность. «Наряду с доминированием второго технологического уклада, вступившего в фазу зрелости, в ее техническом базисе уже сложились и быстро распространялись отдельные технологические цепи третьего технологического уклада», – пишет об этом периоде нашей истории академик С. Глазьев [5].

Однако мировая война, а затем – гражданская, разруха, разрыв хозяйственных связей привели к резкому ухудшению состояния российской экономики. Россия выпала из когорты стран, продолжавших движение по пути научно-технического, технологического и индустриального процесса. Наступила эпоха длительной деиндустриализации страны. Как известно, первым значительным шагом по восстановлению экономики было принятие плана ГОЭЛРО, который, по сути, представлял собой долгосрочную программу общегосударственного масштаба по восстановлению и

развитию отечественной промышленности на основе прогрессивных в тот исторический период технологий третьего технологического уклада. Однако экономическая разруха и произошедшая за предыдущее пятилетие деиндустриализация оказались настолько глубоки, что новое, большевистское, правительство было вынуждено, провозгласив НЭП (основой которого было восстановление, в первую очередь, мелкотоварного сектора экономики – и, соответственно, мелкотоварного производства), фактически «спустить» индустриальную часть ГОЭЛРО «на тормозах», ничего не сумев противопоставить стихийному восстановлению довоенной структуры экономики и, соответственно, восстановлению промышленности на довоенной технологической базе, соответствующей второму технологическому укладу. Это привело к тому, что советское государство к 30-м годам прошлого века оказалось с неэффективной индустрией (в основном – национализированной), обладающей технологиями начала века, что не позволяло сделать решительный рывок в экономике страны. Необходима была индустриализация народного хозяйства, к которой в нашей стране приступили с начала 30-х годов.

Как известно, из двух вариантов индустриализации – т.н. «ситцевой» (ускоренное развитие легкой промышленности) и «машиностроительной» (форсированное развитие отраслей тяжелой промышленности) – был выбран второй, который по сути представлял собой реинкарнацию ГОЭЛРО в ускоренном варианте.

В определенной мере (мы не будем здесь анализировать – какой ценой!) индустриализация отечественной экономики была проведена; в ряде отраслей промышленности сформировались элементы третьего технологического уклада.

Однако процесс индустриального развития нашего народного хозяйства был снова искусственно прерван войной. Нам пришлось пережить очередной этап деиндустриализации; послевоенное восстановление пошло по пути именно восстановления и копирования на просторах страны (т.е. де-факто – замораживания) довоенного третьего технологического уклада, тогда как в экономиках развитых стран активно формировался четвертый уклад. Это предопределило всю дальнейшую **траекторию индустриального движения России – отставание примерно на один технологический уклад.**

И, наконец, безусловно, мощный деиндустриализационный удар нанесли российской экономике политические события конца XX века, что стало одной из важнейших предпосылок дальнейшего наращивания технологического отставания российской промышленности от ведущих индустриальных держав.

В США современный процесс деиндустриализации начался в середине 1960-х годов. В эпоху Рейгана и Буша-старшего, например, общая занятость увеличивалась в среднем на 1,4% в год; однако в промышленности шёл противоположный процесс. Сталелитейная отрасль теряла ежегодно 6,1% работников, металлообработка – 4,5%, автомобилестроение и производство оборудования – 1,5%, швейная и текстильная промышленность – 2%. В итоге к началу правления Клинтона было ликвидировано почти 2 млн. рабочих мест в обрабатывающих отраслях и полмиллиона – в горнодобывающих. В 1997 году в американской промышленности было занято около 17,5 млн. человек. Затем процесс приобрёл обвальное падение. В 2000-2003 и 2007-2009 произошло два обвальных падения, и в итоге сейчас в американской индустрии занято 12 млн. человек – при общей численности занятых около 143 млн.

В то же время с 1990 по 2008 год численность занятых в США увеличилась со 122 до 149 млн., было создано 27 млн. рабочих мест. При этом 40% пришлось на госсектор и здравоохранение. Остальное было создано в основном розничной торговлей, строительством, гостиничным и ресторанным бизнесом. В целом 98% рабочих мест пришлось на «неторгуемый» сектор, производящий товары и услуги для внутреннего рынка.

Иными словами, к 2008 г. в американском здравоохранении трудилось больше населения, чем в промышленности, при этом на правительство работало почти в полтора раза больше занятых, чем на здравоохранение (22 млн. против 16 млн.). Промышленность уступала сфере услуг и в рамках экспортного сектора.

Таким образом, к 2010 году США превратились в фактического рекордсмена деиндустриализации, уступая по этому показателю только Гонконгу, экономика которого сейчас фактически является придатком колоссальной индустрии Китая. При этом в экспортном секторе США промышленность не была (и не могла быть!) замещена сферой услуг.

Последствия этого оказались многообразны.

Во-первых, американский экспорт быстро рос, но всё очевиднее отставал от импорта. Так, американская промышленность, по сути, проигрывала внутренний рынок и не могла компенсировать этот проигрыш на рынке внешнем – сальдо торговли промышленными товарами, составлявшее в 1992г. минус 2%, в 2008г. составляло уже минус 8%. Следствием этого стало стремительное ухудшение торгового баланса. Торговый баланс США дефицитен с 1976 года. При этом, если в 1997г. дефицит составлял только около \$100 млрд., что в масштабах американской экономики выглядело малозначительно, то затем начался его фантастический рост, и уже к 2000г. он приблизился к \$400 млрд., а в 2007-2008гг. составлял около \$700 млрд. Отрицательный торговый баланс породил отрицательный платёжный, покрываемый за счёт внешних кредитов и эмиссии доллара. Внешний долг США, составлявший в 1989г. \$2,7 трлн., вырос до \$5,7 трлн. в 2001г., 13 трлн. в 2009г. и 15 трлн. в 2011г. Сейчас он составляет около \$17 трлн., при этом на долю долга правительства приходится менее трети.

Во-вторых, деиндустриализация привела к видоизменению, «мутации» внутреннего спроса. Последний всегда считался сильной стороной США, традиционно мало зависевших от конъюнктуры внешних рынков. Однако, начиная со времён Рейгана, американский внутренний спрос рос за счёт специфического «инструментария». Реальная заработная плата, достигнув максимума в 1970-х, снизилась к середине 1990-х, и после краткого роста во второй половине 1990-х – начале «нулевых» упала до прежнего уровня.

При этом, если справедливо мнение известного экономиста Филипса о том, что реальный уровень инфляции в США был выше официального после 1983-го и особенно с 1996 года, то рост оказывается фиктивным, а картина в «нулевые» годы – ещё более удручающей. В результате рост благосостояния и внутреннего спроса обеспечивался за счёт всё более доступных кредитов. Итогом стала крайняя закредитованность населения, перегруженного долгами, и коллекции «плохих» долгов на руках у банков. Отсюда последовали зыбкость внутреннего спроса и неустойчивость банковской системы.

Кроме того, поскольку налог на доходы населения занимает первую строчку в списке источников доходов федерального бюджета США, то стагнация доходов означала отсутствие активного роста налогооблагаемой базы. Появление бюджетного дефицита и стремительный рост госдолга были в такой ситуации, как показывает практика, лишь вопросом времени.

Подтекстом всех перечисленных явлений была, очевидно, деиндустриализация. Зарплаты в сфере услуг в среднем почти в полтора раза ниже, чем на производстве, по очевидным причинам. Квалифицированного рабочего сложнее заменить, чем официанта, в сфере услуг распространена временная и частичная занятость, гигантский рост которой наблюдался два последних десятилетия, профсоюзное движение по столь же очевидным причинам развито слабее. В итоге сжатие промышленности сопровождалось стагнацией или снижением реальной зарплаты, причём даже последнее не приводило к росту конкурентоспособности американской экономики – дешевающий труд был сосредоточен преимущественно в неторгуемом секторе.

В-третьих, деиндустриализация в значительной мере породила **рост социального неравенства**, наблюдающийся в США с 1980-го года. Если в тот период первая по доходам тысячная доля населения (0,1%) получала чуть более 1% национального дохода, то сейчас она получает 5%. Это даже больше того, что зарабатывала элита в 1870-1880-х гг. – по уровню неравенства в доходах населения США вернулись к началу XX века; уровень неравенства в целом сейчас примерно соответствует 1920-м годам. Причины ясны – это уже упомянутая специфика труда в сфере услуг и, на политическом уровне, – отсутствие многочисленного, сплочённого и активного «пролетариата». Между тем высокий уровень социального неравенства снижает величину внутреннего спроса.

В-четвёртых, деиндустриализация неизбежно ведёт к появлению пузырей (на фондовом, ипотечном рынке и т.д.) и **перекосов в банковской системе**. Промышленность по очевидным причинам более капиталоемка, чем сфера услуг и экономика в среднем. В итоге результатом деиндустриализации рано или поздно становится ситуация «много свободных денег – мало хороших сделок». Ситуативные действия финансовых властей могут улучшить или ухудшить ситуацию, но в целом она неизбежна. Первым ее

следствием стала упомянутая прогрессирующая доступность кредита – в том числе ипотечного. Вторым – раздувание объёма спекулятивного капитала на финансовых рынках. Результат того и другого известен – кризис 2008-2009гг.

Судя по всему, в США осознали, где лежат истоки кризиса, и понимают опасность сценария, подобного «староголландскому». Тем более, что непосредственные эффекты деиндустриализации видны невооружённым глазом. Экономике наполняют деньгами, однако рост восстанавливается с трудом – в существенной степени потому, что деньги фактически финансируют чужую промышленность и поставщиков углеводородов. Внутренний спрос, поддерживавшийся закредитованностью и «попутной» нулевой нормой сбережений, едва ли удастся восстановить в принципе.

Однако у США есть сильные стороны. Во-первых, это технологическое преимущество – отрыв даже от Германии или Японии всё же еще очень велик. Во-вторых, у США есть уникальные возможности для продвижения своих экономических интересов на внешних рынках. В-третьих, как следствие из первых двух пунктов, США имеют конкурентоспособный и быстро растущий экспорт. В-четвертых, США владеют очень внушительной сырьевой базой, имея гораздо более низкие, чем в Европе и Японии, внутренние цены на энергоносители, электроэнергию и т.д. В-пятых, в США – гораздо более молодое по сравнению с ЕС и Японией население, создающее, с одной стороны, не столь большую нагрузку на пенсионную систему и бюджет, как у тех же ЕС или Японии, и, с другой стороны, способное обеспечить промышленность рабочей силой.

II. Россия – индустриальная провинция?

По своему потенциалу Россия – одна из богатейших ресурсами стран мира. В России живет всего 2,4% населения нашей планеты, а ее территория составляет 10% площади Земли. При этом здесь сосредоточено 45% мирового запаса природного газа, 13% нефти, 23% угля. На одного жителя России приходится 0,9 га пахотной земли – на 80% больше, чем в Финляндии, на 30% больше, чем в США. В то же время, согласно экспертным исследованиям [2], имеющиеся у России ресурсы реализуются в национальной

экономике со следующей степенью эффективности: природные – на 25%, людские – на 15%, финансовые – на 10%, интеллектуальные – на 3,3%. Уровень освоения ресурсного потенциала страны оценивается в 18%. Для сравнения, в США он составляет 76%, в ЕС – 78%, в Японии – 88%. Показатель доли высокотехнологичной продукции в объеме продаж на мировом рынке для современной России крайне низок и оценивается экспертами в коридоре 0,3%-0,8%. Это в 8,5 раз ниже, чем удельный вес российского ВВП. Россия реализует инновационного продукта в 130 раз меньше по сравнению с США. Удельный вес инновационно-активных организаций в России составляет только 9,3% .

Показатели инновационной активности, Россия и страны ЕС

Показатели	Россия	Группа инновационных лидеров: Дания	Группа стран, догоняющих лидеров: Бельгия	Группа «скромных новаторов»: Чехия	Группа отстающих: Болгария
Доля работников, занятых в инновационно-активных организациях, %	36,0	52	51	41	16
Доля выручки инновационно-активных организаций в общей выручке, %	48,0	83	80,7	65,6	39,7
Доля высокотехнологичной продукции в экспорте промышленности, %	9,0	20,0	8,0	14,0	6,0
Доля инновационной продукции в выручке, %	5,5	16,1	17,8	25,1	36,2
Интенсивность затрат на технологические инновации, %	1,44	3,81	4,09	2,69	0,89

В России на снижение конкурентоспособности российской промышленности и на спад производства в наукоемких и высокотехнологичных видах деятельности повлияло множество факторов [3].

Для определения стратегии выхода из кризиса и вступления в фазу экономического роста целесообразно разделить негативные факторы на первичные и вторичные. Например, к числу первичных факторов снижения конкурентоспособности отечественной промышленности и сворачивания жизненно необходимых производств относится повышение цен на энергоносители и тарифов на транспорте. Возникающая при этом инфляция издержек является вторичным фактором. Политика сокращения денежной массы при постоянном опережающем повышении цен на энергоносители и транспортных тарифов в 1990-е годы лишь углубляла кризис. Без устранения первичной причины – опережающего повышения цен на продукцию и услуги естественных монополий – мы никогда не снизим инфляцию до уровня, обеспечивающего конкурентоспособность нашей промышленности ни на внутреннем, ни на мировом рынках. В экономических публикациях достаточно полно описан опыт регулирования цен на энергоносители в США, в странах ЕС, в Японии и т.д. Обращает внимание то, что при относительно высоких темпах экономического роста эти страны импортировали дешевые энергоносители. А затем, при переходе от экономического роста к развитию, лидирующие страны изменили структуру экономики таким образом, что смогли безболезненно перенести повышение цен на нефть и газ на мировом рынке. В России же начали повышать цены на энергоносители без необходимой перестройки структуры экономики и до вступления в фазу развития на базе наукоемких видов деятельности.

Помимо планового опережающего повышения регулируемых цен первичными причинами кризисных явлений и снижения конкурентоспособности российской промышленности стали также дезинтеграция промышленности, разрыв хозяйственных связей, разрушение технологических цепочек, ликвидация научно-производственных объединений, многих отраслевых институтов, конструкторских бюро, опытных производств, полигонов и других инновационных / инвестиционных структур промышленной сферы. В результате развала крупных научно-производственных

объединений и дезорганизации связей между предприятиями концентрация капитала в отечественной обрабатывающей промышленности резко снизилась. В это же время за рубежом происходили противоположные процессы – укрупнения промышленных корпораций в развитых странах и создания мощных фирм в Китае, Индии, Турции и в других странах. Разрозненные и ослабленные предприятия российской обрабатывающей промышленности оказались не в состоянии противостоять мощному зарубежному капиталу в заполнении внутреннего рынка импортными изделиями, а в ряде случаев в процессе приватизации стали просто легкой добычей западных кампаний.

Исторически темпы ввода основных фондов в СССР постоянно понижались с 11 % до 7,5 % в период с 1970 по 1988 г. Деграция фондовой базы с 1990 г. резко возросла, при этом инвестиции в основной капитал повышались с 1970 г. по 1990 г. включительно. Если принять 1969 г. для РСФСР за 100 %, то к 1990 г. они достигли 350 % со снижающимся темпом, что говорит об исчерпании эффективности инвестиций. Начиная с 1990 г., инвестиции в основной капитал сократились, так что к 1999 г. этот показатель оказался меньше 100 % – ниже уровня 1969 г. для РСФСР. Станочный парк за этот период сократился более чем в 10 раз. Сокращение фондов в индустрии вследствие износа, который обгонял темпы обновления, сокращение станочного парка, инвестиций в основной капитал сопровождались резким повышением фондового коэффициента рассредоточения доходов при сильном понижении трудовых доходов и более чем двукратном сокращении ВВП. Сейчас практически для всех предприятий промышленности России характерна достаточно высокая изношенность основных фондов, что подтверждается данными официальной статистики; это является их отличительной особенностью от зарубежных предприятий.

Степень износа основных фондов в организациях по видам экономической деятельности (на конец года, в процентах)

	2009	2010	2011
Добыча полезных ископаемых	45,9(19,5)	46,8(19,8)	48,4(20,3)
из нее:			
добыча топливно-энергетических полезных ископаемых	46,7(20,3)	47,4(20,4)	49,1(21,0)
Обрабатывающие производства	41,1(12,8)	42,2(12,8)	42,5(12,9)
из них:			
производство пищевых продуктов, включая напитки, и табака	40,6(7,3)	41,6(8,2)	42,6(9,1)
текстильное и швейное производство	41,8(9,8)	42,6(11,6)	41,6(10,9)
производство кожи, изделий из кожи и производство обуви	34,9(8,4)	39,8(10,6)	42,6(10,4)
обработка древесины и производство изделий из дерева	33,3(4,6)	37,6(5,4)	36,6(4,8)
целлюлозно-бумажное производство; издательская и полиграфическая деятельность	41,5(9,5)	42,3(10,2)	41,9(9,9)
производство кокса и нефтепродуктов	39,9(12,9)	41,0(12,9)	39,2(13,1)
химическое производство	42,8(15,4)	43,8(15,4)	44,4(15,8)
производство резиновых и пластмассовых изделий	40,0(9,9)	41,3(9,9)	40,8(8,9)
производство прочих неметаллических минеральных продуктов	34,8(7,6)	36,2(7,5)	38,4(8,6)
металлургическое производство и производство готовых металлических изделий	38,2(11,9)	39,9(11,4)	40,9(11,6)
производство машин и оборудования	42,9(13,6)	43,2(13,4)	44,0(14,0)
производство электрооборудования, электронного и оптического оборудования	45,9(16,2)	47,3(17,0)	47,4(16,9)
производство транспортных средств и оборудования	50,3(24,0)	49,6(22,9)	49,3(22,0)
Производство и распределение электроэнергии, газа и воды	41,7(13,9)	42,0(14,9)	41,9(15,8)
из него:			
производство, передача и распределение электроэнергии, газа, пара и горячей воды	39,8(12,4)	40,4(13,5)	42,1(15,4)

Ист.: Росстат.

Наиболее изношенными являются основные фонды предприятий в таких видах экономической деятельности, как добыча полезных ископаемых (в частности, добыча топливно-энергетических полезных ископаемых), в обрабатывающих производствах (химическое производство, производство машин и оборудования, производство транспортных средств и оборудования, производство электрооборудования, электронного и оптического оборудования и др.).

При этом необходимо обратить внимание на тот факт, что наибольшая изношенность основных фондов отечественных предприятий наблюдается как раз там, где, согласно мировым тенденциям развития экономики, максимально развиваются исследования и разработки, где активизация инновационной деятельности происходит наиболее высокими темпами, поскольку именно эта продукция имеет наибольший спрос на мировых рынках и способна конкурировать с международными поставщиками [4].

Сегодня все то, что было ранее для РФ конкурентоспособными преимуществами – высокая квалификация трудового потенциала, высочайший уровень образования населения, развитый научно-промышленный потенциал, свободные производственные мощности, имеющиеся сбережения населения и вместительный внутренний рынок и др. – более уже не являются преимуществами из-за утраты каждой из перечисленных характеристик.

В то время как в РФ наблюдался эффект деиндустриализации, сопровождавшийся укреплением сырьевой ориентации экономики, в особенности сильный в 1990-е гг., но имеющий место и в период 2000-х гг., глобальная индустрия изменялась по последующим направлениям: сокращалась численность занятого в промышленном производстве населения при одновременном росте уровня автоматизации и использования современной техники, повышении квалификации рабочей силы и даже сокращении станочного парка при росте производительности станков, улучшении их характеристик и применении робототехники; произошла реструктуризация промышленного производства, снизилась доля индустрии в ВВП – хотя для Китая, Индии, Индонезии, ЮАР и Мексики эта доля значительно возросла в пользу транзакционных секторов; возросла интенсивность инновационного процесса, и

сократились сроки смены новых поколений наукоемкой продукции и средств производства.

К тому же в структуре индустрии происходили очень осязаемые конфигурации, связанные с увеличением доли наукоемких секторов, значимым возрастанием энерго- и ресурсосбережения. При всем этом доля издержек на добычу нужных ископаемых сокращалась для большинства высокоразвитых государств, и исключительно в РФ этот показатель значительно возрос за обозначенный период, делая даже добычу ископаемых неэффективной. Экономически развитые страны-лидеры инициировали в промышленных системах постановку и решение проблем безотходности и «безлюдности» технологий, тем самым решая вопрос стабильности экологических систем и выживания людской цивилизации с применением всеобщей автоматизации производства.

Для современной России всё более очевидным становится приоритет политики национальной безопасности. При этом явственно вырисовывается тот факт, что усиленно внедрявшийся в сознание населения страны на этапе перехода к рыночной экономике тезис о бесконфликтности существования в рамках мировой рыночной системы оказался несостоятельным. Политические и экономические реалии двадцатилетнего периода движения России по направлению от социализма к капитализму более чем откровенно продемонстрировали то, что экономическая конкуренция может быть более жесткой, и даже, как правило, более жестокой, чем конкуренция политических систем. Именно в этой связи всё чаще приходится слышать единодушные высказывания представителей разных политических сил на любом уровне о том, что проблема национальной безопасности с каждым годом становится всё более острой.

Ни для кого не секрет, что исторически резкое обострение проблемы национальной безопасности России приходится на конец 80-х – начало 90-х годов прошлого столетия, когда была разрушена советская централизованная система государственного управления. В этот период и в последующие годы произошли значительные структурные изменения в российской экономике, в результате чего в ней наблюдаются [6]:

- разрыв в развитии финансовой и производственно-технической систем;
- разрыв в развитии между обрабатывающими производствами (продуктами), добывающим (сырьевым) сектором и сектором услуг, отчётливо выраженный в пользу добывающих секторов;
- разрыв между I и II типами воспроизводства: производством потребительских благ и средств производства;
- стирание чёткой границы между государственным и частным секторами при явно выраженном нарастании разрыва в их развитии, поскольку частный сектор развивался за счёт государственного сектора.

В ходе эмпирического анализа структурных изменений и макроэкономической динамики российской экономики можно выделить следующие явления, определяющие изменения её структуры в 1990-2000-х гг.:

- произошло значительное укрепление сырьевого сектора, увеличение его влияния и доли в национальной экономике, а также мощное развитие финансово-банковского сектора;
- наблюдается увеличение числа занятых в сферах услуг и уменьшение числа занятых в сферах товарного производства (расширение транзакционных секторов и рост «транзакционности» российской экономики);
- структура инвестиций в основной капитал изменилась от секторов, производящих товары, в сторону услуг (рыночных и нерыночных);
- снизилась доля научных разработок в экономике и по секторам промышленности, где отсутствует должное финансирование инноваций; задачи их развёртывания не ориентированы на задачи структурообразования и управления структурными изменениями;
- внешнеторговые операции отражают сформировавшуюся структуру национального хозяйства: в экспорте преобладает сырьё, в импорте – машины, оборудование, продукты питания, товары лёгкой промышленности, реже – технологии. Большинство конкурентоспособных направлений и технологических возможностей либо свёрнуто, либо утеряно.

В ИНИР и Институте экономики РАН были проведены исследования¹, на основании которых сделаны следующие выводы по структурным изменениям в России.

Во-первых, совокупный индекс структурного сдвига по секторам экономики в ВВП по продукту наглядно отражает отсутствие ощутимых сдвигов в межсекторной структуре за исключением главной тенденции – увеличения влияния сырьевых и транзакционных секторов. Существенная особенность российской экономики состоит в том, что технологическая реиндустриализация в стране должна происходить в условиях, когда еще не восстановлен промышленный научно-технологический потенциал, больше чем наполовину разрушенный в ходе системного кризиса 1990-х гг.

Из приведенных данных следует, что сырьевой перекос российской экономики вызван отнюдь не «переразвитием» соответствующего сектора. Этот сектор формирует важное конкурентное преимущество нашей экономики и в обозримом будущем продолжит играть роль ее фундамента и потенциала развития. Более того, как показывают исследования, проведенные в Сибирском отделении РАН, наличие в стране сырьевых, а также ресурсо- и энергоемких отраслей промышленности (металлургия, химия и нефтехимия и т.п.) снижает эффективность использования энергии независимо от прогрессивности общей экономической структуры (в США, Канаде и Великобритании эти показатели хуже, чем в высокоразвитых странах, где доля указанных отраслей не

¹ Исследования проводились в рамках Проекта «Реиндустриализация экономики России — возможности и ограничения», по итогам которых рабочей группой Института нового индустриального развития (ИНИР) и Института экономики РАН был подготовлен научный доклад, представленный на заседании Научно-экспертного совета при Председателе Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации 28 марта 2013. Руководители Проекта – С.Д. Бодрунов и Р.С. Гринберг; руководитель рабочей группы – Д.Е. Сорокин, члены группы: д-р экон. наук А.И. Амосов, д-р экон. наук С.М. Белозерова, канд. экон. наук Д.Л. Драндин, канд. экон. наук А. А. Золотарев, д-р экон. наук А. Е. Карлик, канд. экон. наук Е. А. Иванов, д-р экон. наук В. А. Плотников, д-р экон. наук В. П. Оболенский, д-р техн. наук П. Г. Редько, д-р экон. наук В. К. Сенчагов, д-р экон. наук И. В. Соболева, д-р экон. наук О. С. Сухарев, д-р экон. наук Е. А. Ткаченко, канд. экон. наук В. И. Филатов и канд. экон. наук В. П. Шуйский.

Динамика восстановления промышленного производства*
(1991 г. = 100%)

Годы	1998	2008	2009	2012	2015 (прогноз)
ВВП	60,5	117,8	108,6	122,1	138,2
Промышленность в целом	48,2	85,4	77,5	90,0	101,3
В том числе:					
добыча полезных	167,2	105,6	104,9	112,0	113,6
обрабатывающие производства	40,7	82,9	70,3	87,1	101,4

* Здесь и далее, если не указано иное, использованы данные Росстата, Минэкономразвития России, Минфина России, Банка России.

столь значительна). Если нет возможности их вывода за пределы собственной территории (как это сделала Япония), то для обеспечения устойчивого экономического роста одновременно с увеличением эффективности производства и потребления энергии следует наращивать объемы ее использования [7].

Проблема, очевидно, не в гипертрофированных масштабах сырьевого сектора, а в недоразвитости (деиндустриализации) перерабатывающих отраслей. В ходе кризиса 1990-х гг. спад в перерабатывающем секторе был гораздо более существенным, чем в добывающем. Несмотря на последующий рост, к 2008 г. отставание перерабатывающих производств составляло 17% по сравнению с 1998 г. и еще больше увеличилось во время кризиса 2009 г. По итогам 2012 г. выпуск продукции обрабатывающих отраслей в стране был на 13% меньше, чем в 1991 г. Уже один этот факт свидетельствует о сохраняющемся отставании промышленного производства в целом. Восстановление общего объема производства в обрабатывающих отраслях (как и промышленности в целом) прогнозируется Минэкономразвития России только к 2015 г.

Во-вторых, масса структурного сдвига положительна для финансового сектора и постоянно возрастает на протяжении последних лет. При этом промышленность развивается по неустойчивой модели, что подтверждает масса структурного сдвига – как при статичной, так и при скользящей базе. В финансовом и добывающих секторах масса структурного сдвига превосходит по значению массу структурного сдвига в промышленности (статичная база) и в целом демонстрирует рост. Для сельского хозяйства налицо прямая деградация этого сектора в общей хозяйственной структуре.

В-третьих, наибольший сальдированный финансовый результат с большим отрывом от реальных секторов экономики демонстрируют финансовый и сырьевой секторы. При этом финансовый и добывающий секторы стабильно показывают наибольшую эффективность и скорость структурной динамики в ВВП.

В-четвертых, показатель эффективности структурного сдвига в первое десятилетие XXI века был наиболее высок для финансовой деятельности и добывающих секторов, а для промышленности – довольно низок.

Таким образом, можно уверенно утверждать (проведённые оценочные расчёты и анализ полученных данных это подтверждают), что в России, по существу, не решалась задача проектирования и управления экономической структурой. Системность экономики была нарушена, и хозяйственные пропорции формировались под воздействием стохастических, в том числе внешних факторов.

Рассматривая машиностроительную отрасль как базовый сектор промышленности, следует отнестись со всей серьёзностью к расчётам, предпринятым по показателям структурной независимости отечественного машиностроения.

Нынешнее состояние машиностроения характеризуется глубоким спадом производства: по итогам 2012 г. объем производства машиностроительной продукции составил чуть более половины от уровня 1991 г., а к 2015 г., согласно прогнозу Минэкономразвития России, не превзойдет двух третей от объема 1991 г. По отдельным видам машиностроительной продукции этот спад беспрецедентен [8].

Динамика выпуска отдельных видов продукции машиностроения

Годы	1990	2011
Турбины, млн кВт	12,5	6,8
Тракторы на колесном ходу, тыс. шт.	77,8	12,7
на гусеничном ходу, тыс. шт.	63,8	1,72
Комбайны зерноуборочные, тыс. шт.	65,7	6,2
кормоуборочные, тыс. шт.	10,1	0,286
Доильные установки, тыс. шт.	30,7	2,6
Прядильные машины, шт.	1509	27
Ткацкие станки, шт.	18300	9
Автомобили грузовые, тыс. шт.	665	207

Сегодня по доле машиностроения в структуре обрабатывающих производств российская экономика далеко отстает от основных конкурентов.

Доля производства машин и оборудования* в структуре обрабатывающих производств

Страна	Год	Доля машин и оборудования, %
Россия**	2011	21,5
США	2007	32,5
Германия	2008	42,8
Великобритания	2007	29,8
Франция	2008	27,9
Япония	2007	44,4
Бразилия	2007	26,9
Китай	2009	33,6

* Включая производство электрооборудования, электронного и оптического оборудования, транспортных средств и оборудования.

** По показателю «Отгружено товаров собственного производства, выполнено работ и услуг собственными силами».

Результатом отставания машиностроительных отраслей стал «сырьевой сдвиг» в структуре российской промышленности.

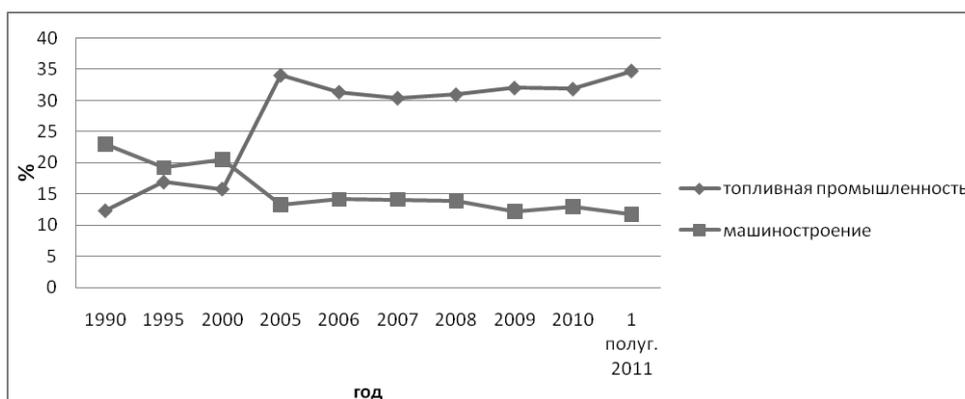

Рис. 1. Динамика доли топливной промышленности и машиностроения в общем объеме промышленного производства.

Структурная независимость машиностроительного комплекса оставалась довольно низкой, причём её коэффициент неуклонно сокращался в период 2000-2010 г.г. Показатель структурной независимости возрастал только в период 1998-2000 г.г., когда в постдевальвационный период были предприняты некоторые меры для стимулирования развития промышленности.

С 1998 по 2008 годы занятость в машиностроительном комплексе сократилась примерно на 40% – с 4,8 до 3 млн. человек. Темпы роста доли импорта продукции машиностроения в несколько раз обгоняли темпы роста доли экспорта, которые неуклонно снижались, так что внешнеторговое сальдо для машиностроительного комплекса становилось отрицательным, увеличивая зависимость российской экономики от импорта зарубежных средств производства, комплектующих, деталей машин, метиза и т.п. То есть, коэффициент импортной зависимости для машиностроения демонстрировал неуклонный рост. Снижение закрытости сектора со значительной вероятностью будет приводить

к снижению показателя структурной независимости, провоцируя сокращение занятости в секторе и технологическую деградацию производства.

Относительное приращение выработки в машиностроении имело устойчивую тенденцию к снижению, что не могло не сказаться на показателях эффективности производства, величине платёжеспособности предприятий, возможности получения кредитов и др.

Иными словами, требуются значительные инвестиции в создание новых фондов. Более того, показатель структурной независимости для экономики России на протяжении 1999-2011 гг. снизился с 2,4 до 1,6; к 2015 году он может упасть до 0,95-0,9.

По видам производств в последнее десятилетие имели место следующие основные тенденции изменения структурных параметров:

- в производстве пищевых продуктов наблюдался рост коэффициента структурной независимости и относительная стабильность показателя закрытости сектора при довольно высокой её величине – сектор в целом демонстрировал «несырьевой» режим развития; доля импорта преобладала, а относительное приращение выработки снижалось, что говорит о невысокой эффективности функционирования данного сектора и его зависимости от импортного сырья;

- производство минеральных продуктов и топливно-энергетический комплекс (ТЭК) показывали очень высокий коэффициент структурной независимости, более низкую закрытость и при этом заметные колебания относительного приращения выработки, что объясняется многими факторами, включая изменения на внешних рынках;

- химическое производство продемонстрировало планомерное сокращение коэффициента структурной независимости почти в два раза – с 1,3 до 0,7; при этом закрытость сектора также в основном снижалась, а импортная зависимость с середины 2000-х годов резко росла;

- секторы машиностроения и высокотехнологичных производств в целом повторяют динамику сектора химического производства; для них характерен очень низкий, имеющий тенденцию к уменьшению показатель структурной независимости, рост показателя импортной зависимости и сокращение показателя

закрытости системы; относительное приращение выработки также сокращается.

Следует заметить, что структурное превосходство какого-либо сектора может сочетаться с худшими макроэкономическими показателями. К примеру, при сравнении показателей 2000 и 2011 г.г. для машиностроения лучшие структурные параметры соотносятся с худшими параметрами роста, но сочетаются с лучшей рентабельностью.

В результате анализа вышеизложенных данных можно констатировать, что за последние четверть века в экономике нашей страны наблюдаются следующие отрицательные тенденции [8], [9].

Высокодоходные, рентабельные секторы, которые представлены сырьевым и финансовым блоком, являются относительно менее рискованными. Низкодоходные, нерентабельные, в состав которых входят секторы промышленности (машиностроение, электроника и др.), а также сельское хозяйство – более рискованны. Такая ситуация закрепляет позиции сырьевой экономики. Сложившаяся ситуация неизбежно ведет к сохранению зависимости социально-экономического развития страны от мировой конъюнктуры на энергосырьевые товары.

Доля нефтегазовых доходов в общем объеме доходов федерального бюджета, %

Годы	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015
Факт	42,2	46,9	37,2	47,3	40,7	46,1	49,6				
Прогноз-2011							49,3	47,3	44,4	43,5	
Прогноз-2012								50,5*	46,1	44,6	44,4

* Оценка.

В основных направлениях деятельности Правительства до 2018г. отмечается, что «нефтегазовый дефицит» сегодня составляет 10,5 процента валового внутреннего продукта, при том, что безопасный его уровень оценивается вдвое ниже. В то же время его сокращение приведет к сдерживанию государственного спроса и будет способствовать замедлению экономического роста.

Важно отметить, что из-за отставания машиностроительных отраслей Россия, являясь одним из ведущих производителей энергоресурсов в мире, далека от лидерства в сфере производства передового технологического оборудования для разведки, добычи и переработки нефтегазовых ресурсов, а также других сырьевых товаров. Страна демонстрирует довольно низкие по сравнению с ведущими экономиками технико-экономические показатели работы ТЭК. Вследствие деградации обрабатывающего сектора российская экономика все чаще исполняет роль поставщика сырья для мирового хозяйства; при этом доля машиностроительной продукции в российском экспорте постоянно снижается в пользу продукции ТЭКа.

Товарная структура экспорта из Российской Федерации, %

Годы	2000	2005	2011
Минеральные продукты	53,8	64,8	71,1
Машины, оборудование и транспортные средства	8,8	5,6	5,0

Отметим в то же время, что объемы экспорта даже сырьевых ресурсов также сокращаются.

В связи с этим учащаются прогнозы, согласно которым России грозит участь «индустриальной провинции» и энергосырьевого придатка глобальной экономики. Однако таким придатком может стать лишь часть нынешней территории страны, но не нынешнее российское государство. Российская Федерация в силу целого ряда

геополитических и экономических обстоятельств в случае реализации этих прогнозов **может превратиться** из субъекта мировых отношений в их объект с соответствующими последствиями для своей государственности. «Следуя этому сценарию, – отмечал В.В. Путин в выступлении на расширенном заседании Государственного совета «О стратегии развития России до 2020 года» (08.02.2008.), – мы ... не сможем обеспечить ни безопасность страны, ни ее нормального развития, подвергнем угрозе само ее существование, говорю это без всякого преувеличения».

При указанном соотношении рентабельностей по секторам экономики высокая процентная ставка (понимая, что процентная ставка – это отношение суммы процентов, выплачиваемых за фиксированный отрезок времени к величине ссуды (в условиях инфляции увеличивается, так как включает в себя полностью или частично ожидаемый уровень инфляции)) начинает играть роль своеобразной «гильотины» для наукоёмкого производства, а также секторов, создающих средства производства. Относительно высокий процент по ставке, по сути, означает, что макроэкономическая политика основана на модели привлечения капитала, а не на воссоздании эффективной капиталобразующей модели внутри страны. Такая концепция экономической политики сводится в итоге к тому, что страна оказывается привязанной к иностранному капиталу.

Относительно высокая процентная ставка в России и низкая рентабельность производственных секторов фактически блокируют поступление кредита в обрабатывающие производства в необходимом объёме. С другой стороны, относительно низкий процент ставки на Западе обеспечивает рост займов за рубежом. Далее эти займы размещаются в первую очередь не в низкорентабельных секторах, а в секторах высокой рентабельности – финансовом и сырьевом. В итоге растёт частный долг корпоративного сектора, приближающийся к 60% ВВП.

Поддержание валютного курса любой ценой и подчинение этой цели денежно-кредитной политики Центрального банка РФ фактически действует в направлении поддержки экспортных секторов, которые являются преимущественным образом сырьевыми. Данную ситуацию можно было бы обернуть на пользу

России, направив ресурсы экспортной деятельности на производство новых фондов для самого сырьевого комплекса. Однако нефтегазовые доходы в значительной части аккумулируются в фондах накопления и не работают на российскую экономику.

Изначально диспропорциональная структура экономики – неэффективный уклад и низкая рентабельность реального сектора – не обеспечивают достаточного уровня внутренних инвестиций, что не позволяет осуществить остро необходимой замены устаревших фондов и создать условия для технического развития и повышения конкурентоспособности экономики. В результате продолжается деградация технических систем, что приводит к сокращению продуктовой массы отечественного производства на внутреннем рынке. Сохраняется неэффективная структура производства. Высокий потенциал инфляционного давления из-за монополизации производств и рынков воспроизводит высокий процент по ставке как меру противодействия инфляции и создаёт иллюзию процветания финансовой системы и сырьевого комплекса.

III. Итоги и следствия

Подводя итог отмеченным выше особенностям современной российской экономики, отметим также структурные изменения в аспекте взаимодействия частного и государственного секторов:

– доля государственного сектора в России неуклонно сокращалась, темпы роста были либо невелики, либо становились отрицательными, производительность падала, в то же время, число занятых в госструктурах стало относительно большим (высокий уровень бюрократизации). В нашей стране доля населения, занятого в государственном секторе, в несколько раз больше, чем в других странах [10]. Вместе с тем вследствие проводимых в стране реформ наблюдается устойчивая тенденция к уменьшению численности занятых в государственном секторе: с 1992 г. по 2008 г. доля госсектора по данному показателю сократилась в 2,2 раза; если учесть, что частный сектор демонстрировал бурное развитие направлений, связанных с сырьём, финансово-посредническими операциями и торговлей при существенном сокращении обрабатывающих производств, то это приводит к переводу

значительной доли рабочей силы из производственной сферы в непроизводственную;

- становление частного сектора и бизнеса в его широком значении происходило за счёт ресурсов государственного сектора, но не превзошло его, как ожидалось, по эффективности; эффективность структурных сдвигов по занятости относительно затрат на оплату труда в частном секторе убывает; она уже к 2008 году стала практически равной эффективности сдвигов в государственном секторе и постепенно приближается к нулю;

- сокращение госсектора по показателю инвестиций в основной капитал осуществлялось быстрее, чем расширение частного сектора; точки приложения инвестиций в частном секторе чаще всего не связаны с решением задачи возобновления или замещения основного капитала.

Т.о, изменение структуры промышленности России демонстрирует, что сырьевая структура её экономики сформировалась при двукратном сокращении машиностроения по относительной доле в структуре (абсолютное сокращение многократно превышало эту цифру) и практически полном исчезновении лёгкой промышленности. Промышленный рост состоял лишь в замене полностью изношенных фондов, оживлении отдельных производств без восстановления утраченных секторов промышленности и производства продукции широкого потребления для внутреннего рынка.

При этом указанный промышленный рост сопровождался абсолютной потерей квалифицированного кадрового состава промышленности, обострением проблемы старения персонала, дефицитом рабочих профессий, закрытием отдельных направлений производственной деятельности и технологий. Уровень отставания России по технологиям связан не в последнюю очередь с теми тенденциями, которые наблюдаются в области труда и заработной платы:

- дефляция по фактору производства «труд» при инфляции по другим факторам производства;

- увеличение эксплуатации труда, включая рост налогового бремени государства на труд;

- упрощение труда, т.е. снижение доли сложного и увеличение доли простого труда;

– исчезновение целых видов труда и профессиональной деятельности, в том числе на уровне подготовки данных профессий, т.е. не в силу ликвидации потребности в этих профессиях в результате научно-технического прогресса, а в силу утраты обучающей базы и сокращения соответствующих видов деятельности и производств;

– рост безработицы (включая скрытую), деквалификация труда, вызванная снижением образовательного уровня, упрощением задач труда, снижением производственной дисциплины и нормативов организации труда;

– высокая дифференциация в области оплаты труда за одну и ту же работу в зависимости от региона проживания и места занятости персонала;

– сокращение нормативов безопасности труда, отсутствие контроля над соблюдением санитарных норм и условий труда.

В результате сейчас Россия имеет значительное отставание по обеспеченности производства современными технологиями – базовыми и узкого применения. Проблема состоит отнюдь не в том, что российские учёные и инженеры не в состоянии разработать необходимые технологии. Здесь как раз верно обратное утверждение: у нас имеются различные технологии на уровне интеллектуальной собственности в виде патентов, авторских свидетельств, полезных моделей, не уступающие иностранным аналогам. Отсутствуют условия для их внедрения и применения в широком масштабе внутреннего рынка и продвижения на экспорт. Отечественные производители слабо контролируют свой собственный внутренний рынок (не говоря уже про внешний рынок) по многим видам номенклатуры, включая товары широкого потребления и продукцию промышленного назначения. Это препятствует совершенствованию, а главное – внедрению отечественных разработок и технологий. Говорить, что мы отстаём по научно-техническому заделу, некорректно. Отставание вызвано отсутствием условий и возможностей развёртывания и обновления технологической базы экономики. Отставание в уровне развития современных технологий, в частности, в радиоэлектронном комплексе, приводит к тому, что Россия не производит собственных персональных компьютеров и не создаёт в нужном масштабе обрабатывающей компьютерной и телекоммуникационной базы,

вследствие чего возникает режим информационной зависимости. Рост и развитие страны при этом определяются не только классическими факторами, но и этим новым видом зависимости, который сегодня напрямую обуславливает общий уровень состояния промышленности.

Промышленность представляет собой фундамент материального производства, систему, которая вносит основополагающий вклад в создание валового внутреннего продукта (ВВП) экономически развитой страны. Этот вклад колеблется для разных стран от 25 до 40%, причём такие страны, как Япония, Индия, Китай, Бразилия, ЮАР увеличили во второй половине 90-х годов и в первой половине 2000-х годов долю промышленности в ВВП. Что касается России, то у нас, напротив, эта доля снизилась на 10% при двукратных в целом (в ряде секторов – и пятикратных!) потерях кадров и фондов; некоторые секторы промышленности были утеряны в полном объёме.

Все обозначенные выше процессы, происходившие в России в течение более чем двадцати лет, можно обозначить единым термином – деиндустриализация, т.е. процесс, обратный индустриализации, когда производство не просто сокращается, а когда оно становится более примитивным, теряет свой технологический уровень, разрушается производственная инфраструктура, сокращаются фонды, снижаются уровни механизации и автоматизации, общий технологический уровень, сложность производственных операций, сокращается интеллектуальная основа производства. Иными словами, происходит не просто сокращение производства и занятости, что было свойственно классическому капитализму в периоды кризисов (но без деиндустриализации), а сокращение самой основы развития индустрии вместе с производством и контролируемыми им рынками. При деиндустриализации простой труд начинает постепенно преобладать над комплексным, сложные операции заменяются более примитивными, доля интеллекта в добавленной стоимости сокращается, производственный аппарат стареет и не возобновляется, простое воспроизводство постепенно вытесняет сложный тип воспроизводства. Результатом этого становятся общий упадок и абсолютная потеря целых направлений производственной

деятельности, секторов производства и промышленности, зачастую без возможности их восстановления.

IV. Почему Россия?

В чём же причина того, что в Советском Союзе, стране с мощной высокоразвитой индустрией, обеспечивавшей себя всем необходимым, от высокоточных подшипников до труб большого диаметра, после его распада начался процесс деиндустриализации, процесс, продолжающийся уже больше двадцати лет и не закончившийся до сих пор?

На наш взгляд, есть три основные причины такого развития российской экономики в постсоветский период.

Во-первых, деиндустриализация – это явление не только российское, хотя в России в силу описанных выше исторических обстоятельств оно проявилось наиболее заметно. Процесс деиндустриализации развитых стран, начавшийся в середине XX века после нефтяного кризиса 1970-х, был обусловлен естественными эволюционными законами, вынуждающими компании размещать производство в странах с меньшими затратами и стоимостью рабочей силы. Глобализация, развитие виртуальных секторов экономики также способствовали уходу капитала в отрасли, обеспечивающие быструю и высокую доходность (торговля и услуги, финансы, телекоммуникации и др.). Кризис 2008-2009 годов показал высокую зависимость развитых экономик, в которых удельный вес реального сектора экономики неуклонно сокращался в течение последних десятилетий, от финансовых и фондовых биржевых спекуляций, имевших глобальные последствия в виде ухудшения социального и экономического положения.

Во-вторых, при проведении экономической политики в годы перехода от централизованной административной системы к рыночным хозяйственным механизмам у нас не только ничего не планировали, но само слово «планирование» было подвергнуто остракизму как рудимент советской эпохи. Таким образом, реформы проводились для неких «высоких целей» с упованием на то, что рыночные механизмы сами по себе выведут нас в царство экономического процветания. При этом индустриальная мощь

Советского Союза выступала исходной ресурсной базой и одновременно своеобразным платежом за такие реформы. Общим результатом этих реформ, начиная уже с 1991 года, стала деиндустриализация страны, особенностью которой явился, к великому сожалению, её перманентный характер, причем деиндустриализация была релевантной к динамике экономических трендов, т.е. происходила вне зависимости от того, наблюдался ли в экономике абсолютный и очень глубокий спад (как в 1990-х годах) либо рост (как в 2000-х). Изменению подлежала лишь её скорость и глубина, что связано также и с объективными потерями трудовых, капитальных и интеллектуальных (технологических) ресурсов, а также с разрушением единых производственных систем СССР.

И, наконец, на наш взгляд, третья, менее явная, но от этого не менее существенная причина того, что процесс деиндустриализации в России обрёл поистине катастрофические размеры, заключалась в активно внедряемой в общественное сознание модели обогащения любой ценой. В российских условиях эта модель породила масштабную коррупцию, отягощённую nepотизмом и криминальной составляющей, что привело к злокачественному перерождению основ управления промышленным производством. Логика чиновника-управленца до примитивного проста: действительно, при утраченном государственном контроле зачем нужно развивать отечественное производство, если в результате будет много ответственности, но не будет обеспечен собственный доход. Гораздо проще заключить многомиллионный контракт с зарубежной фирмой и получить от неё за это приличное вознаграждение (в «специальной» терминологии именуемое «откат»).

Т.о., процесс деиндустриализации экономической системы нашей страны вследствие указанных выше причин характеризуется следующими признаками:

- рост номенклатуры импортной продукции, увеличение количества импортных комплектующих в изделиях отечественного производства;

- утрата многих рабочих профессий, снижение квалификации персонала обслуживающего производство;

- снижение качества техники, технологий и выпускаемых изделий, сокращение уровня механизации и автоматизации производства;

– сокращение оснащённости производственных систем, оборудования и приспособлений, снижение технологического уровня и глубины переработки исходного сырья;

– сокращение производства средств производства, сокращение доли НИОКР в добавленной стоимости создаваемых изделий, сокращение инфраструктуры, обслуживающей опытное производство и осуществляющей НИОКР при отсутствии рынка интеллектуальной собственности;

– общее сокращение предприятий, промышленных секторов, производственного аппарата и фондов, долей рынка производимой продукции по каждому сектору и изготавливаемой номенклатуре изделий, сокращение числа занятых и объёмов выпуска продукции, снижение уровня изготавливаемых изделий, их конструкторской и технологической сложности.

Общий «итог» деиндустриализации российской промышленности – фактическая невозможность создания сложных изделий, наукоёмкой и высокотехнологичной продукции, нарастающее увеличение зависимости страны от импорта изделий, оборудования и технологий и, как следствие, снижение уровня национальной безопасности.

Сегодня доля России в мировом ВВП ниже уровня 1983 г. примерно в два раза. При этом товарная часть ВВП составляет не более 50% национального дохода от уровня 1990 г.; как отметил в своем выступлении на парламентских слушаниях Комитета Государственной Думы РФ по экономической политике, инновационному развитию и предпринимательству на тему «Инновационное развитие промышленности и его законодательное обеспечение» (Москва, 21 октября 2013г.) главный редактор журнала «Экономист» С.С. Губанов, из-за системной дезинтеграции суммарный объём макроэкономических потерь России эквивалентен 120% ВВП в год.

Рассмотренная выше технико-экономическая ситуация, сложившаяся в современной России, характеризуется тем, что большая часть производственных мощностей разрушена практически полностью и со всей очевидностью уже не может быть восстановлена. Больше того, безвозвратно утеряны некоторые отрасли и виды производств. Вместе с ними утеряны и кадры специалистов. Поэтому сегодня проблема состоит уже не в

модернизации или перестройке структуры промышленности, а в полном восстановлении отдельных видов производств на основе принципиально новых технологий и основных фондов, что и должно составлять главное содержание новой индустриализации (реиндустриализации) страны. Не решим эту главную сегодня проблему России – дальнейшая деградация экономики приведет – неизбежно – к трагическому для нашей страны финалу ее истории.

Литература

1. Бодрунов С.Д. Модернизация оборонно-промышленного комплекса и обеспечение экономической безопасности государства. // Год планеты: Политика. Экономика. Бизнес. Банки. Образование. Вып. 2005г. / ИМЭМО РАН. – Экономика. – 2005. – С.107-111.
2. Блинов А.О. Инновационно-технологическая модернизация российской промышленности – основа безопасности государства / А.О. Блинов // Экономика устойчивого развития. – 2013. – № 13. – С. 44-50.
3. Бодрунов С.Д. Экономический рост и проблемы конкурентоспособности российской промышленности // Институт нового индустриального развития (ИНИР). Труды. Сборник научных статей. // Под общ. ред. Бодрунова С.Д. – СПб. – ИНИР. – 2012. – С. 3-15.
4. Гайфутдинова О.С. Оценка инновационной активности предприятий промышленности России // Экономика и предпринимательство. – 2013. – № 3. – С. 338-340.
5. Глазьев С.Ю., Львов Д.С., Фетисов Г.Г. Эволюция технико-экономических систем: возможности и границы централизованного регулирования. М. «Наука». 1992.
6. Сухарев О.С. Экономическая политика реиндустриализации России: возможности и ограничения. Приоритеты России, №24 (213) – 2013.

7. Добрецов Н.Л., Конторович А.Э., Кулешов В.В. Стратегические точки роста и проблемы государственной значимости в Сибири // Вестник РАН. – 2001. – Т. 71, № 10.
8. Бодрунов С.Д., Гринберг Р.С., Сорокин Д.Е. Реиндустриализация российской экономики: императивы, потенциал, риски // Экономическое возрождение России. 2013. № 1 (35).
9. Сухарев О.С. Экономическая политика реиндустриализации России: возможности и ограничения // Приоритеты России, №24 (213) – 2013.
10. Международная организация труда [Электронный ресурс] URL: <http://laborsta.ilo.org>.

Бодрунов С.Д. Российская трагедия – деиндустриализация отечественной экономики / Научный доклад / Серия «Модернизация промышленности» / Институт нового индустриального развития (ИНИР), СПб., 2013. – 34с.

Бодрунов Сергей Дмитриевич –
директор Института нового индустриального развития (ИНИР),
Президент Национальной ассоциации авиаприборостроителей России,
Вице-президент Вольного экономического общества России,
Ответственный секретарь Промышленного совета при Губернаторе
Санкт-Петербурга, Первый вице-президент Союза промышленников и
предпринимателей (работодателей) Санкт-Петербурга, Президент
Межрегиональной Санкт-Петербурга и Ленинградской области
общественной организации Вольного экономического общества России,
член Научно-экспертного Совета при Председателе Совета Федерации
Федерального Собрания РФ, член Экономического совета при
Губернаторе Санкт-Петербурга, д.э.н., профессор

*Редактор: Золотарев А.А.
Допечатная подготовка:
Чеканова Е.Е., Федоров А.В.,
Минасян Ж.А.*

Подписано в печать: 12.02.2013.
Тираж 300 экз. 34 с.
Заказ №

Отпечатано в печатном цехе ЗАО «Монетная»
197101, Санкт-Петербург, ул. Большая Монетная, 16